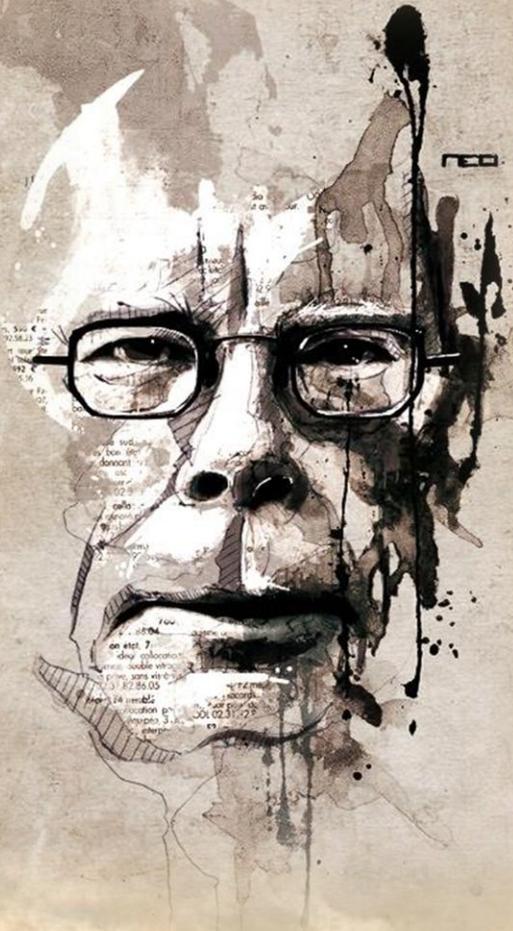

Стивен Кинг

*«Будь осторожен,
когда молишься
ради чего-то,
потому что
можешь это
получить».*

Стивен Кинг пугает нас уже сорок лет...

Он все-таки Король – Стивен Кинг, более 60 книг и более 170 произведений малой формы, трое детей-писателей, суммарный тираж книг Кинга сегодня – 350 млн. экземпляров. Это вдвое больше населения России. И вдвое больше, чем суммарный тираж всего, что написано о Гарри Поттере.

По тиражам Кинга опережают только Шекспир и Агата Кристи – из англоязычных авторов. А из неанглоязычных – только Мао Цзэдун.

В России поклонников у него меньше, чем в остальном мире, — невзирая на оглушительное количество переизданий. В остальном мире романы Кинга оставляют все прочие покетбуки далеко позади. Особенно любят его студенты.

Кинги исправно переиздают и распродают, хотя привычно не воспринимают всерьез; сам он, кажется, давно смирился с тем, что числится по разряду массовой культуры, и только изредка огрызается в интервью:

«Я считаю, что массовая беллетристика — это Жаклин Сьюзен, например. У которой видно, как рука повествователя передвигает персонажей вопреки их собственной логике. А я ученик Драйзера.» Есть люди, которые ему верят. Есть даже люди, которые считают его едва ли не крупнейшим прозаиком современной Америки.

«Мне нравится писать 10 страниц в день, каждая примерно по 2 000 слов. Только при крайних обстоятельствах я могу позволить себе выключить компьютер, прежде чем напишу 2 000 слов».

Свою собаку Молли он ласково называет Исчадием Ада. *«Она упорно пытается заверить меня, что она райское существо, но я не поддаюсь».*

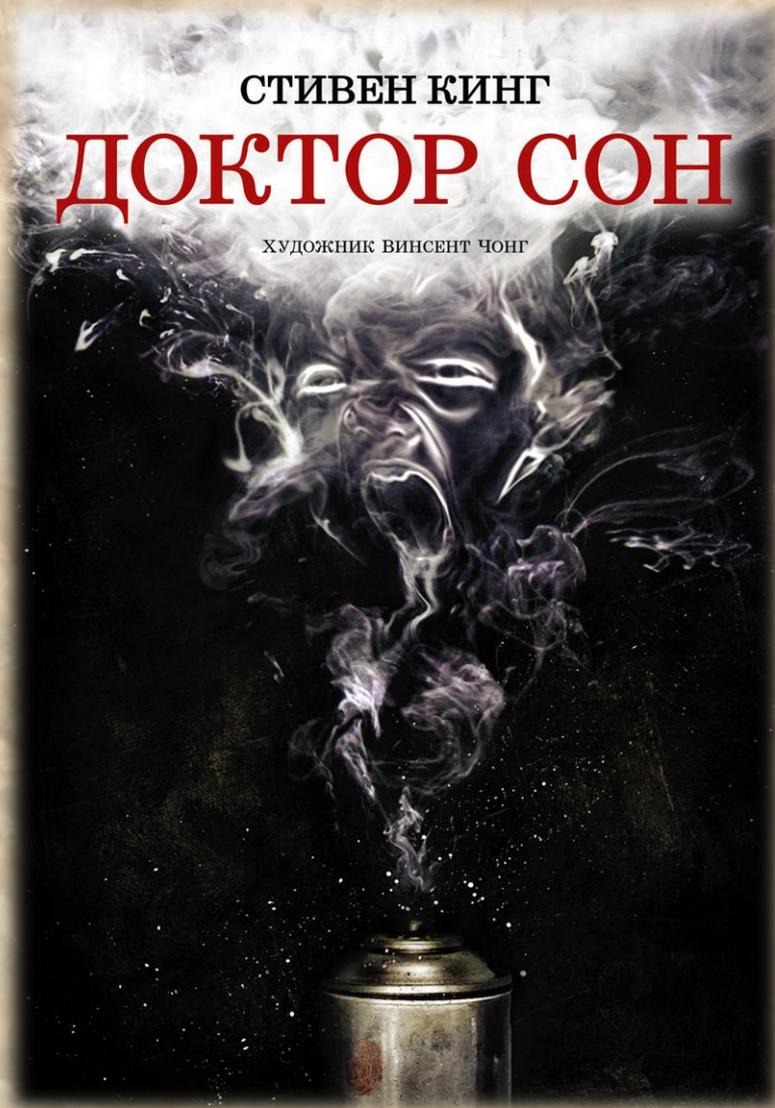

«Если вы пишете, кто-то обязательно будет пытаться заставить вас почувствовать себя неудачником».

Его грандиозный коммерческий успех, сотни фэн-клубов и неизменное уважение коллег значат для него самого неизмеримо больше, чем пренебрежение отдельных эстетов, не способных самостоятельно выдумать даже малюсенький рассказик в духе самого раннего Кинга.

Он родился в Портленде в 1947 году, два года спустя отец ушел из семьи, а когда Кингу было восемь — вообще исчез. Вышел за сигаретами и не вернулся. Все, что от него осталось, — крошечный кусок любительской пленки, пятьдесят метров, на котором отец был живой и двигался. Кинг бесконечно пересматривал эти метры на стареньком проекторе. Может быть, именно тогда он впервые понял, что такое сны наяву.

СТИВЕН КИНГ

ДОКТОР СОН

ХУДОЖНИК ВИНСЕНТ ЧОНГ

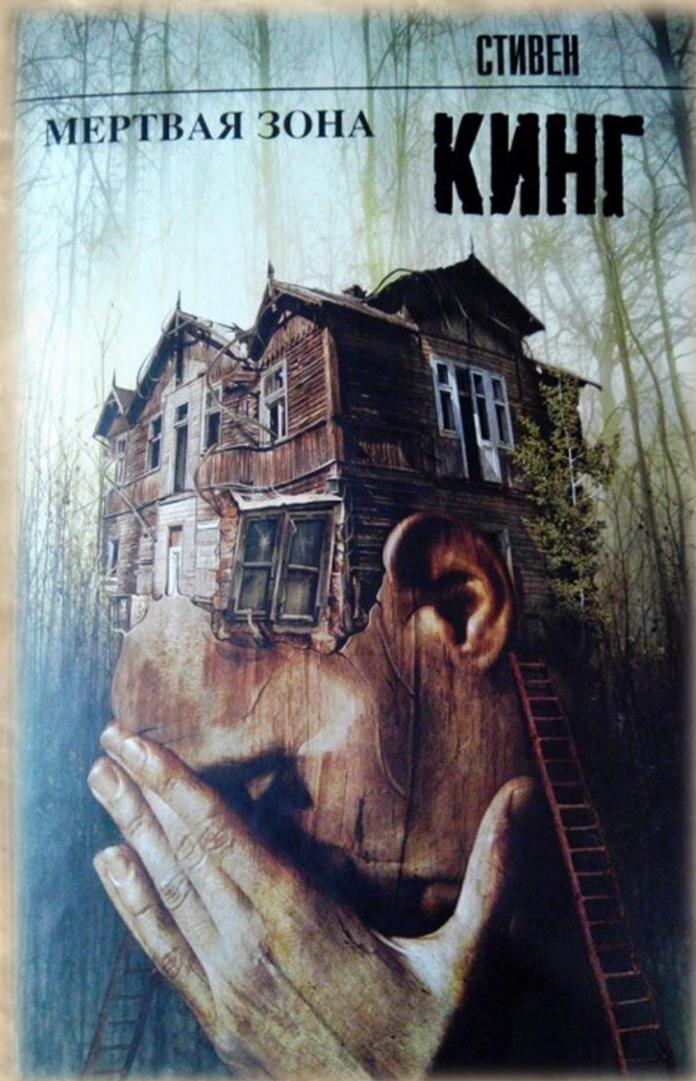
«Все, что я делаю, — сны наяву, никакого другого определения для писательства у меня нет. Я обладаю патологически сильным воображением — дар столь же увлекательный, сколь и обременительный. Так, я не могу заснуть, не подоткнув одеяла. Не могу выйти из комнаты, не оставив в ней света: а то вернусь, будет темно, я потянусь за выключателем, и где гарантия, что какая-нибудь тварь не схватит меня за руку? Это все, конечно, бред, но мы ведь ничего не знаем о реальности.

Действительно ничего.

Есть разные способы преодоления ужаса, писателю вот легче — он пишет».

Сочиняет он с двенадцати, печатается с девятнадцати, но нравится себе как сочинитель где-то лет с тридцати, с «Мертвой зоны», которую до сих пор считает самой увлекательной своей книгой.

Не зря знакомство русского читателя с его сочинениями началось в 1984 году именно с публикации «Мертвой зоны», лучшего романа. Кинг очень точно проник в психологию читателя. Мы ведь всегда знаем, что в нашем сознании всегда есть мертвая зона, темное ядро, которого мы не касаемся. Мы не знаем что это: детская травма, страх перед будущим или какое-то воспоминание, которое мы вытеснили, но оно продолжает существовать. Это есть в любом сознании (в этом-то и ужас), и потому мы полюбили Джонни Смита, что его образ легко прикинуть на каждого из нас.

В двадцать пять лет Кинг работал в школе, преподавал английский и ненавидел эту профессию. «Что есть учитель? Собака Павлова: по звонку говорит, по звонку затыкается». И потом, дети. «Дети жестоки, куда более жестоки, чем взрослые. Я их боялся, и они чувствовали это. Их стайки безжалостно травят чужаков».

На эту тему травли чужаков он и стал писать свой пятый по счету роман (предыдущие четыре потом все равно были напечатаны, но тогда их отвергли все издательства).

Маленький провинциальный городок в Новой Англии в одночасье становится «мертвым городом». На улицах лежат трупы, над домами бушует смертоносное пламя. И весь этот кошмар огненного Апокалипсиса — дело рук одного человека, девушки Кэрри, жалкой, запуганной дочери религиозной фанатички. Долгие годы дремал в Кэрри талант телекинеза, чтобы однажды проснуться. И тогда в городок пришла смерть...

В какой-то момент ему до такой степени разонравилось собственное сочинение, что он швырнул его в корзину. В корзине его и обнаружила Тэбби Спрюз, жена писателя, симпатичная круглолицая блондинка, с которой он познакомился когда-то в университетской библиотеке (история знакомства довольно подробно изложена в «Воспламеняющей взглядом»).

Слава богу, что это не была компьютерная эра. Стер бы — и никаких следов. Но эра была машинописная, и Кинг спасся для литературы. Потому что именно этот роман и был напечатан — двое отвергли, третий издатель решился. Книга «Кэрри» вышла десятитысячным, пробным, по сути, тиражом.

Слава Кинга, по сути, началась с «Сияющего» — и никак не благодаря действительно удачной, умной экранизации Кубрика, но сразу по выходе книги.

«Люди не становятся лучше – только умнее. Они не перестают отрывать мухам крылышки, а лишь только придумывают себе гораздо более убедительные оправдания.»

Стивен Кинг «Кэрри»

Главную роль в экранизации исполнил неподражаемый Джек Николсон. Он сыграл писателя-неудачника Джека Торренса, который из-за бедственного финансового положения нанялся зимним сторожем в горный отель «Оверлук». Зимнее безмолвие, звенящая тишина белой пустыни, все подступы завалены снегом до весны... И Джек постепенно сходит с ума, каждый вечер напиваясь в баре, переполненном призраками, как постояльцами в «высокий сезон».

Почему же мы любим Кинга?

Любовь к литературе ужасов означает любовь к качественным книгам.

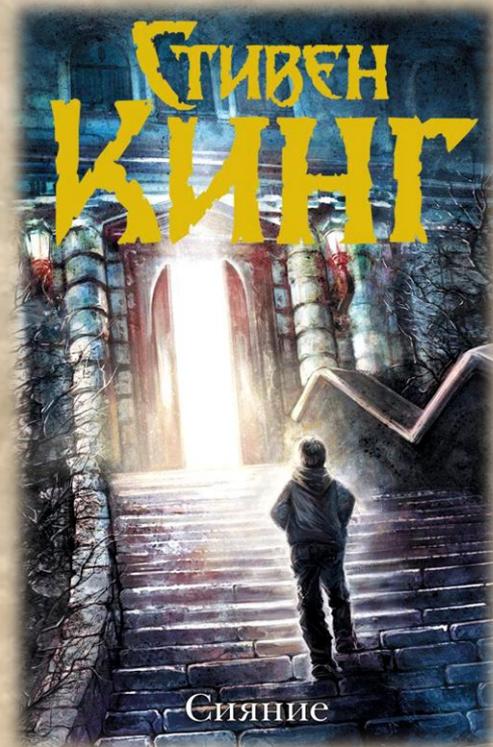
Написать страшную книгу бездарь не может.

Кинг очень талантливый рассказчик, с замечательным врожденным чувством композиции. Дар рассказчика не изменяет ему никогда.

Он отлично понимает природу страшного. *«Что пугает? Пугает темнота, незримое, неведомое. Страшнее всего мы сами. И чем дальше, тем меньше в моих книгах «внешнего страшного». Все больше ужасов, гнездящихся в нас самих».*

В «Сиянии» ничего поначалу страшного не происходит. Все эти страшные гниющие женщины с зелеными ногтями в ванной – это не страшно, а страшно, когда ночью в пустом «Оверлук» отеле начинает ездить лифт.

Кинг – ученик Кафки и Акутагавы, все его сочинения – это простые притчи, основанные на базовых понятиях, на базовых представлениях о норме.

Кинг гениально чувствует самые древние архетипы. Это не только страх перед букой, который живет в шкафу и под кроватью, это не только страх перед бешеной собакой, не только кошмар о встрече с сумасшедшим. Он держит нас не только архетипами из наших детских кошмаров, он держит нас за базовые чувства – напрасно прожитая жизнь, одинокая старость, неожиданно предавший нас друг.

«Я владею только одним секретом: я никогда не подхожу к читателю с криком, с оскаленными зубами, с выпученными глазами, с когтями. Я никогда не говорю ему о страшном. Я беру его за руку и говорю: «Пойдем со мной, милый». После чего, я аккуратно, медленно отвожу его в темный угол и держу там, пока он не начинает пищать».

Но кроме этого, Кинг отлично знает жизнь, реальность, среду. Из нее-то и прорастают все его кошмары. Любой из его ужасов может случиться с каждым, и никто из его героев не супермен. Он отлично умеет не внушать читателю комплексов. Читатель бы струсил, да, и герой струсил. Но действует, вопреки ужасу и почти непреодолимой обреченности.

Кинговские кошмары — продолжение реальности, а вовсе не какие-то экзотические чудища. Чудища как раз ему удаются плохо. А вот палец, который вдруг высовывается из сточной решетки раковины и растет, растет, растет, — это да, это серьезно. И пятно среди реки, которое пожирает купальщика, — это тоже работает.

В рассказе «Крауч-энд» герои, семейная пара, отправляются в гости на окраину Лондона... и такой болезненно-красный закат... и так подозрительно малоллюдно... а потом они замечают, что и кошка, сидящая на окне первого этажа, — со странными лишайными проплешинами, и вывески на магазинах какие-то ненашенские: «Алькандствбр», «Бгвчкхшмильш»... Да это же... это же, я не знаю, какой-то... это же не наш мир! — понимает героиня, прежде чем ей навстречу попадается мальчик с изуродованной рукой вроде клешни и девочка с белыми крысиными косичками и красными крысиными глазками.

А вы разве не бывали на пустынных окраинах незнакомых городов на закате?

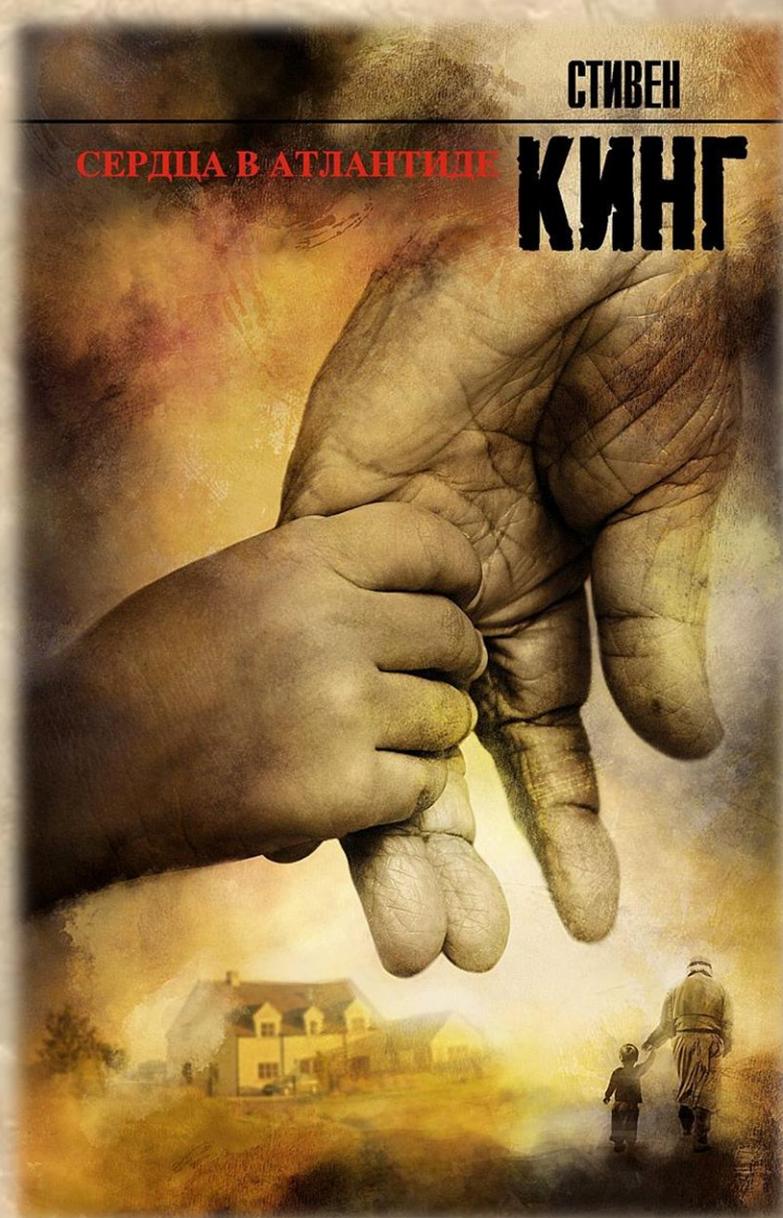
Вы не видели там уродливых стариков или ехидных детей? Вам никогда не казалось, что на одной из таких окраин вы безнадежно выпали из своей уютной жизни и впали в невыносимую чужую? Вот на таких допущениях — приходящих даже в самую твердую и маленькую голову — он вас и ловит. Бывало, все бывало...

Кинг он умеет совершенно по-булгаковски почувствовать ту едва уловимую грань, за которой реальность перестает быть ТОЛЬКО реальностью. Однажды весной, в час небывало жаркого заката. Однажды, опять-таки в час небывало жаркого заката, но уже в Лондоне. Или за городом Ю перед грозой, как в «Бессоннице». Крошечный сдвиг — но все уже не то, и нет возврата.

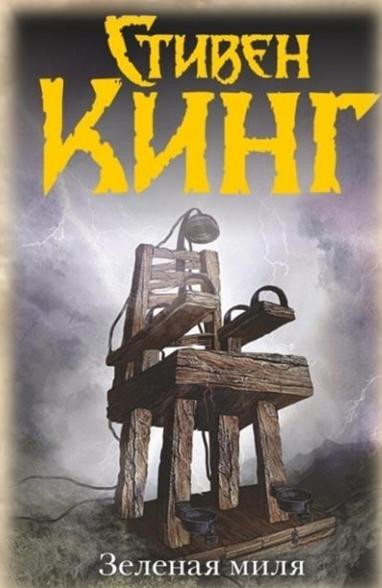

Кинг — представитель консервативного сознания, консервативного в добром старом демократическом смысле. Кинг — на стороне меньшинства, травимого одиночки, непонятого очкарика. Кинг — против толпы. Кинг — враг фарисейства, лицемерия, фальшивых улыбок и неискреннего сострадания, и вот почему ужас у него так часто приходит в детской или клоунской маске.

Кинг не любит улыбающуюся, сытую и розовую Америку. Он любит другую Америку, которую знал в своей студенческой юности, и сборник его повестей — «Сердца в Атлантиде» — как раз о шестидесятых. Он в каком-то смысле и ныне там — любит тот, вудстокский рок, те пожары из повесток, тот нонконформизм.

Книги Кинга популярны потому, что возвращают читателя в детство. В самом деле – бояться того, что живет под кроватью, в темноте, или думать о том, кто жил до тебя в гостиничном номере, может только ребенок. И в зрелые годы писатель не утратил детской остроты восприятия и детских представлений о морали и о норме.

*«Когда призовет Господь на свой суд праведный, Он спросит меня:
«Почему ты убил одно из настоящих моих чудес?» Что я Ему
скажу? Что это моя работа?»*

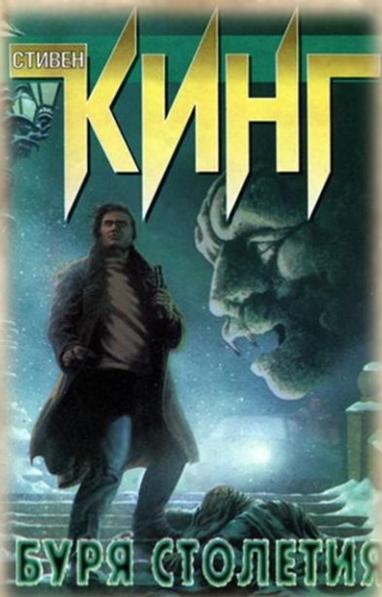
Стивен Кинг «Зеленая миля»

Почему человек любит страшилки и чем его влечет леденящий кровь ужас?

Ответ категорический и несомненный: человек про страшное читать не любит. Страшное и ужасное человек всеми силами старается до себя не допускать.

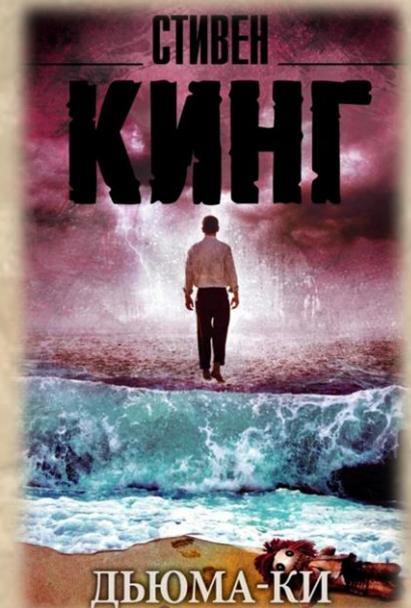
Документальные и мемуарные свидетельства о леденящем кровь ужасе существуют и публикуются. Двадцатый век дал для них чудовищные основания в чудовищном изобилии.

Массовый читатель отнюдь не рвется читать «Колымские рассказы» Варлама Шаламова, воспоминания Ефросиньи Керсновской «Сколько стоит человек». Или рассказы Тадеуша Боровского, исследующие запредельный опыт автора, узника Освенцима и Дахау. Примеры множество, но – очевидность бросается в глаза. Слишком страшно. Леденит кровь ужасом. Как читать такое, когда и без того страшно?

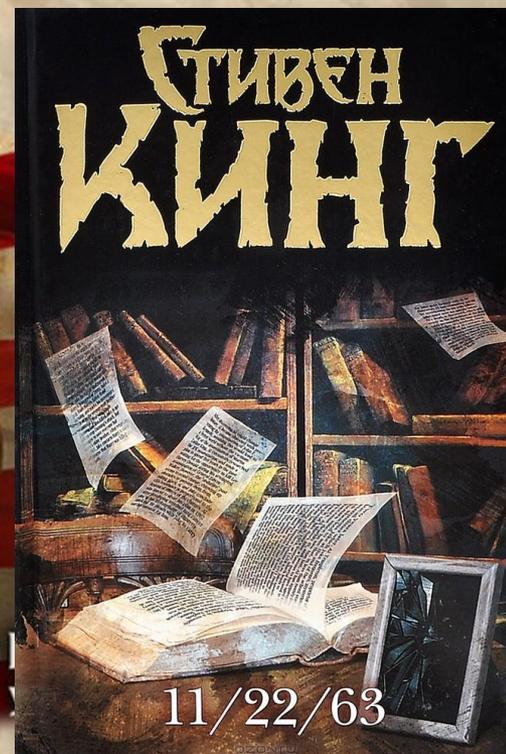

О реальных страхах говорить трудно. Иногда непосильно. А о том, что какие-нибудь оборотни и призраки заледенили кровь и заснуть не давали – пожалуйста, сколько угодно. Это большое психологическое облегчение – сказать: мне страшно.

Маленький южный островок Дьюма-Ки - идеальное пристанище для человека, который пытается начать все сначала. Так по крайней мере считает некогда преуспевающий бизнесмен, который стал инвалидом в результате несчастного случая - но зато обрел талант потрясающего художника. Однако чем дольше живет он на Дьюма-Ки, тем более страшную силу обретают его картины. В них таится Зло. Но что это за Зло?

«Между человеком и иррациональной стихией жизни стоит закон. Есть на что опереться, есть пара-тройка ценностей, признаваемых всеми, и есть перечень вещей, которые элементарно не могут с тобой произойти.»

В блестящем рассказе Кинга «Крауч Энд» героиня на лондонской окраине случайно попадает в параллельный мир и чудом спасается в полицейском участке.»

«У каждого есть что-то вроде навозной лопаты, которой в моменты стрессов и неприятностей вы начинаете копать в себе, в своих мыслях и чувствах. Избавьтесь от нее. Сожгите ее. Иначе вырытая вами яма достигнет глубин подсознания, и тогда по ночам из нее будут выходить мертвецы».

ЕСЛИ СЕГОДНЯ
ТЫ НЕ СПОСОБЕН
НИКОГО **ЛЮБИТЬ**,
ПОПЫТАЙСЯ ХОТЯ БЫ
НИКОГО **НЕ ОБИДЕТЬ**.

Стивен Кинг

1. Дмитрий Быков. Лекция «Стивен Кинг. Король не сдаётся».
2. Дмитрий Быков. «Стёпка Король»: Журнал "Огонёк" №22 от 02.07.2000
3. Елена Иваницкая. «Почему мы любим читать про страшное»: «Аргументы и факты», 03.04.2009